

CONSTANTE ȘI VARIABLE ÎN DISCURSUL POLITIC AL LUI VLADIMIR PUTIN

Oana TĂTARU*

La 130 de ani de la stabilirea relațiilor diplomatice dintre România și Rusia, se poate spune că lumea trăiește o nouă realitate a virtualului și posibilului, unde aproape totul devine imaterial și efemer; aproape nimic nu mai garantează stabilitatea instituțiilor și formelor de exprimare ale autorității de odinioară, pentru că schimbarea a devenit ea însăși esența acestui nou tip de stabilitate. Evoluția pe care au avut-o țările din „blocul sovietic” a produs și o mutație substanțială în planul comunicării, de la „*limba de lemn*” la un tip de exprimare neîngrădit de eventuale bariere sau ideologii, dar care respectă normele impuse de societate și tabloul istoric corespunzător situației de enunțare.

„În politică totul este posibil”, declara cu dezinvoltă naturalețe un cunoscut lider de opinie, legitimând prin aceasta inconsistența discursului politic pentru o lume aflată într-o interminabilă și exasperantă tranziție.

Contrar tendințelor globalizării, acum politicile se raportează mai mult la grup și mai puțin la comunitate, diferențele identitare menținându-și în continuare forța disipativă la adresa cooperării și coexistenței în vederea așa zisei unități. Societatea nu este nici o tabula rasa pe care să se așeze orice fel de mesaj, oricum și oriunde, fiind traversată de idei și dispute, valori și opțiuni.

Ultimul secol al mileniului doi a adus oamenilor mai multă informație, dar și mai multă minciună. O dată cu amplificarea cunoașterii realității în care trăim s-a produs și o rafinare a tehnicilor prin care ea poate fi mistificată, dând naștere sentimentului că lumea semnelor luxează progresiv și constant dominația lumii obiectelor. Cu deosebire în veacul din urmă, tendința renunțării la pozitivitatea iconoclastă a secolelor XVIII-XIX a fost tot mai evidentă, „semnul” cunoscând o „*restauratio magna*” pe fondul avansării discursului mediatic în dialogul dintre putere și *zoon politikon*. Din stăpânitori ai lucrurilor pământești, guvernanții de azi au devenit stăpânitori peste o lume de semne, făcând din manipularea simbolurilor preocuparea lor cea mai de seamă. Astăzi, ficționalul și aparența realității au început să ia locul faptelor și acțiunilor la vedere pentru a da mai multă eficiență controlului asupra mulțimii.

Dominique Wolton remarcă faptul că, în contextul actual, comunicarea are ceva în comun cu politica: ambele induc părerea, seducătoare prin

* Lect.univ.drd., Facultatea de Istorie și Științe Politice, Universitatea „Ovidius” Constanța.

comodate, că fiecare se pricepe în aceste domenii, că poate emite judecăți, opinii¹.

Comunicarea înseamnă gânduri, simboluri, valori, preocupări, idei, a cărei rațiune este să medieze și nu să se substituie unor surse de valori cum ar fi știința, politica, religia. Comunicarea atinge ansamblul raporturilor sociale, devenind un principiu de organizare socială; pare mai puțin amenințătoare decât știința, mai deschisă decât religia și mai puțin înșelătoare decât politica; există simultan, tendința de a uita cât de imperfectă și de dificilă rămâne, totuși, comunicarea și de a considera că performanțele tehnice ale noilor media pot să suplinească problemele reale aflate la originea dificultăților cu care se confruntă acest domeniu.

Discursul lui Vladimir Putin din 29 mai 2002 la încheierea summit-ului Rusia-Uniunea Europeană, la doi ani de la asumarea poziției de conducător al Rusiei, alături de cel din 4 aprilie 2008 după întrunirea Consiliului Rusia-NATO, cu puțin înainte de momentul încheierii mandatului, relevă, din perspectiva analizei de conținut, un tip de comunicare politică aparte, în sensul că exprimarea este asemenea unui melanj de concret, limbaj viu lipsit de clișee obosite, distincție, care reflectă imaginea unei personalități puternice, adânc ancorată în ceea ce înseamnă realitate. Dacă analiza de conținut clasică consideră discursul ca un act dat, un enunț, segmentabil și manipulabil, analiza acestor două acte de vorbire consideră discursul ca pe un proces în cadrul căruia se produc cuvinte, se elaborează sensuri, se operează transformări. Pentru a înțelege mai bine funcționarea și modul intern de constituire al limbajului discursului politic este necesar tipul de analiză mai sus menționat, care este formulat la granița mai multor discipline, evaluând astfel modul în care actorul politic utilizează diferite resurse de comunicare și care integrează fațete diverse, de la retorică la analiza conversațională (dialog, strategii), de la sociolingvistică (diversități și comunități lingvistice) la psiholingvistică (utilizarea codului lingvistic). A înțelege limbajul discursului înseamnă a înțelege lumea care îl generează, iar pentru a înțelege lumea trebuie depășite oarecum cadrele lingvisticii, iar aici intervine tabloul de ansamblu istoric, social și cultural.

Arcul peste timp realizat prin cele două discursuri mediatice relevă o evoluție în planul comunicării, dar și preocuparea acestui actor politic de a avea un mesaj bine construit care să creeze un ecou real și, mai ales, să răspundă unor preocupări și să ofere dezlegări. Se poate spune, astfel, că, în acest mod, comunicarea se îngemănează și devine parte organică a conducerii moderne.

Comunicarea prezidențială include ansamblul practicilor de comunicare prin intermediul cărora instituția prezidențială și/sau președintele diseminează informații de interes public și național. Acest tip de comunicare este unul dintre cele mai ritualizate forme de comunicare politică. „Contractul” de comunicare

¹ Paul Dobrescu, Alina Bârloagă, *Puterea fără contraputere*, București, 2002, BIC ALL, p. 12.

presidențială pornește de la premisa potrivit căreia acesta intervine public mai ales în ocazii speciale, cum e și cazul discursurilor mai sus menționate, rolul de comunicare tipic fiind alocuțiunea. Referitor la acest aspect trebuie făcută o paranteză și menționat faptul că președinții francezi cultivă din ce în ce mai mult comunicarea personalizată, înlocuind treptat alocuțiunea sau conferința de presă cu modalități de comunicare aparent mai puțin ritualizate, care pun accent pe psihologia personajului presidențial².

Tipul de discurs asumat de conducătorul rus aderă la cele mai înalte valori ale umanității și fac ca omul politic să fie asimilat cu rentierul care-și extrage substanța propriului statut de excelență din excelența valorilor pe care le invocă în susținerea unor interese cât se poate de persuadabile. Predominanța unui asemenea discurs, în vremurile mai recente, a fost susținută și de augmentarea capacității expresive a unei societăți tot mai mediatizate.

Dacă se ia în considerare faptul că limbajul societății ruse a fost desemnat ca fiind unul de lemn o anumită perioadă semnificativă de timp, trebuie observată evoluția discursului de la unul tern, greu de exprimat clar, concis, care implică receptorul prin apelul la background-ul de informație al acestuia, mergând până chiar aproape la a dialoga cu acesta.

Analiza celor două discursuri menționate prezintă constante și variabile, caracteristici necesare realizării tabloului specific perioadei în discuție. Formula de început este păstrată de ambele discursuri, fiind în deplin acord cu categoria de public căruia le sunt adresate, cu alte cuvinte, un public educat și corespunzătoare situației în care sunt adresate:

„Bună ziua, doamnelor și domnilor,

Aș vrea să vă prezint pe scurt rezultatul întâlnirii noastre. Cred că invitații noștri, domnul Asnar, domnul Prodi și domnul Solana, ca și participanții ruși au toate motivele în a considera satisfăcătoare rezultatele întâlnirii noastre.” (29 mai 2002, Kremlin, Moscova)³

„Bună ziua, doamnelor și domnilor! Mai întâi aș dori să mulțumesc colegilor români pentru primirea călduroasă și pentru găzduirea summitului Rusia-NATO” (4 aprilie 2008, București, România)⁴.

Ceea ce este caracteristic și considerată drept o constantă a ambelor discursuri mediatice este folosirea repetată a pronumelui personal la persoana întâi plural: „noi”, menționând, de altfel, că, prin intermediul acestuia, de fapt, este vorba de întreaga Rusie: *„Noi, adică Rusia, am dori foarte mult să se întâmple acest lucru...”⁵*. Această exprimare îl erijează pe Vladimir Putin în purtătorul de cuvânt al unei întregi națiuni. Dacă textul discursului din 2002 păstrează registrul oficial, caracteristic situației de enunțare, susținut de repetarea verbului la modul condițional optativ: *„aș dori”*, evitarea unei exprimări directe: *„Discuția a avut*

² Brian McNair, *Introducere în comunicare politică*, Iași, Polirom, 2007, p. 66.

³ www.kremlin.ru/eng/speeches/2002/05/29.

⁴ *Ibidem*, 2008/04/04.

⁵ *Ibidem*.

*aproape un caracter acut*⁶ și folosirea unei sintaxe elaborate, ceea ce schimbă nota generală a discursului în 2008 este adoptarea unui limbaj viu întretăiat de întrebări retorice, imperative și o puternică amprentă personală care angajează total auditoriul într-un amestec de interes și seducție:

„*Au membrii presei o idee clară despre ceea ce înseamnă acest lucru în practică?*”, „*Ce pot să spun?*”, „*A rezolva care probleme?*”, „*(...) ce poate fi făcut fără Rusia?*” „*Ce s-a întâmplat?*”, „*Poate fi făcut acest lucru fără Rusia?*”⁷.

Ceea ce se remarcă fiind diferit și element definitoriu al evoluției în timp este aparenta absență a preocupării pentru o exprimare elaborată, astfel încât exprimarea curge în cuvinte ale cotidianului, expresii care dau culoare de genul: „a căuta în ape tulburi”, „a da cărțile pe față”, propoziții scurte și o sintaxă facilă, care, deși nu adevărată protocolului oficial, face din discursul fostului conducător rus o pagină vie de istorie expusă în cuvinte simple. Puterea cuvintelor, cunoscută și controlată, poate să genereze recursul la un lexic specific, la reguli și strategii de comunicare. Astfel, limbajul reprezintă în acest sens mai mult decât un stoc de cuvinte și devine în contextul analizat o emblemă a puterii.

O expresie comună a unui adevăr banal: „puterea cuvintelor” pare un truism.

Cuvintele pot exprima și „face”- de bine, dar și „de rău”, adică în beneficiul sau cel puțin nu împotriva auditoriului⁸. Mai direct spus, având în vedere și malversațiile din actul de comunicare, concretizate prin discursurile politice ale fostului președinte și deturnarea comunicării prin schimbarea semnificațiilor cunoscute ale unor cuvinte, cum este folosirea atributului „*acut*” în sintagma „*caracter acut*”, exprimă ideea asumării unui tip de atitudine și chiar, a unei orientări a auditoriului către o anumită direcție dorită, pentru a masca sau, poate a ascunde realitatea. Folosirea seducției anumitor cuvinte, așa cum este cazul repetării substantivului abstract „sinceritate” sau a necunoașterii acestora au scopul de a devia sau chiar a obnubila gândirea auditoriului de la ideea centrală a mesajului discursului sau de a forța conduita acestuia într-o direcție de care el nu este conștient

De asemenea, arsenalul de mijloace folosit în cadrul discursului din 2008 implică dimensiunea de spectacol care este necesară sporirii acceptabilității mesajului politic, dar determină și ruperea echilibrului dintre adresabilitatea sa rațională și cea afectivă, în avantajul celei din urmă și în detrimentul dimensiunii sale informative. Finalul îl aduce în prim plan pe succesorul fostului conducător rus, care este prezentat ca fiind: „*(...) un om capabil și cu o briliantă carieră universitară. Îl veți considera un om interesant*”⁹. Atributele folosite în schițarea portretului viitorului conducător vizează doar acele laturi asupra cărora se dorește a se atrage atenția: inteligență, carieră și sunt considerate suficiente

⁶ *Ibidem*, 2002/05/29.

⁷ *Ibidem*, 2008/04/04.

⁸ Călin Sinescu, *Comunicare politică*, București, Editura Universitară, 2007, p. 85.

⁹ *Ibidem*, 2008/04/04.

pentru a suscita interesul auditoriului, pentru ca apoi, brusc, emițătorul, și prin intermediul său, Rusia, să se plaseze din nou în centrul actului de comunicare: „În continuare, aș dori să vorbesc despre o chestiune care a fost adusă în discuție. De-a lungul acestor opt ani, ani dificili pentru Rusia și partenerii săi, am asistat la renașterea Rusiei ca un stat independent(...)”¹⁰.

Reușita comunicării mesajului politic nu poate fi luată ca ceva de la sine înțeles, însă nu se poate spune că expeditorul mesajului depune eforturi pentru a o obține¹¹. Calitatea mesajului, gradul de măiestrie și de rafinament al elaborării lui nu contează câtuși de puțin dacă publicul nu este receptiv, ceea ce nu este cazul fostului conducător rus, întrucât discursul lui este construit în așa manieră încât răspunde orizontului de așteptare al auditoriului.

Shimon Peres, fost prim ministru israelian și actual președinte al statului, afirma în 1995: „Într-o democrație ce guvernează prin cuvinte, cuvintele pot fi pumnale, după cum pot să și vindece. Totul depinde de modul cum sunt utilizate”¹².

Cuvintele pot construi sau pot dăuna contactului dintre oameni, pot să și-l distrugă și să anihileze încrederea în limbaj. Ambele fațete ar trebui studiate, astfel încât auditoriul să fie conștient relativ la aceste efecte, iar aici se justifică analiza corpusului studiat.

¹⁰ *Ibidem*, 2008/04/04.

¹¹ Tatiana Slama Cazacu, *Stratageme comunicaționale și manipularea*, Iași, Polirom, 2002, p. 45.

¹² *Profile: Shimon Peres*, apud http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/3887605.stm.

ПОСТОЯННЫЕ И ПЕРЕМЕННЫЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Оана ТЭТАРУ

Отмечая 130-летие установления дипломатических отношений между Румынией и Россией, можно говорить о том, что мир живёт в новой реальности: виртуального и возможного, где почти все становится нематериальным и эфемерным, почти ничего не может гарантировать стабильность учреждений и форм выражения власти в прошлом, потому что изменения произошли в ней же самой, стали сутью этого нового типа стабильности. Развитие, которое имело место в странах „советского блока”, произвело значительные перестановки и в плане общения: от „деревянного языка” к такому типу выражения, который не ограничен возможными барьерами или идеологиями, но который соблюдает нормы, установленные в обществе, а также историческую картину, соответственно излагаемому.

„В политике все возможно”, - заявляет беззастенчивой простотой известный лидер мнений, тем самым узаконивая непоследовательность политических выступлений в мире бесконечный и жестоких переходов. В противоположность тенденциям глобализации, теперь политика больше касается группы, чем сообщества; идентичные различия продолжают оставаться разделяющей силой в отношении кооперирования и сосуществования в целях, так называемого единства. Общество-это не „чистая доска”, куда можно разместить любое послание как-угодно и где-угодно, оно испещрено идеями и диспутами, ценностями и правом выбора.

Последний век второго тысячелетия принес человечеству больше информации, но и больше лжи. Вместе с увеличением объема познания действительности, в которой живем, произошло рафинирование техники, с помощью которой эта действительность может быть мистифицирована, поражая чувство, что мир знаков постоянно и прогрессивно изменяет господство мира предметов. Особенно в прошлом веке, тенденция отказа от иконной позитивности XVIII-XIX веков проявлялась все сильнее, а „знак” Знание однопознал „*restauratio magna*” на фоне прогрессирующих выступлений масс-медиа(СМИ) в диалоге между властью и „*uoon politikon*”. Из хозяев земных дел сегодняшние правители превратились в хозяев мира знаков, сделав из манипуляции символами самое значительное занятие. Сегодня фиктивность и видимость действительности начинает занимать место фактов и и действий, чтобы придать больше

эффективности контролю над толпой.

Dominique Wolton отмечает, что в современном контексте сообщение имеет что-то общее с политикой: оба выражают мнение, соблазняющее удобством, каждый имеет понятия в этой сфере и может выразить свое суждение, идеи.

Сообщение-это мысли, символы, ценности, занятия, идеи, которые нужно распространить с помощью масс-медиа (средств массовой информации), но не подменяя другие уенные источники знаний, как наука, политика, религия. Сообщение достигает совокупности общественных соотношений, становясь принципом общественной организации; кажется менее угрожающим, чем наука, более открытым, чем религии, и менее лживым, чем политика. Одновременно, существует и тенденция к забывчивости, сколь несовершенным и трудным является сообщение и к преувеличению того, что технические совершенства новых масс-медиа могут заменить реальные проблемы, порождающие трудности, с которыми сталкивается эта область деятельности.

Выступление Владимира Путина от 29 мая 2002 года на закрытии Саммита Россия-Европейский Союз, через два года после принятия поста Президента России, вместе с выступлением 4 апреля 2008 года, после проведение Консилиума Россия-НАТО, незадолго до окончания президенского мандата, выявляют,-из перспективы анализа содержания-особый тип политического выступления в том смысле, что оно было похоже на конкретную смесь: живой язык, без избитых клише, достоинство, отражающее образ сильной личности, глубоко укрепленную в реальность. Если классический анализ содержания, считает выступление как данное действие, высказывание, которое можно разделить на фрагменты и которым можно манипулировать, анализ этих двух документов речи рассматривает выступление как процесс, в рамках которого произносятся слова, проявляется смысл, производятся изменения. Чтобы лучше понять действие и внутренний способ составления речи, политическому выступлению нужен вышеупомянутый тип анализа, сформулированный с помощью многих дисциплин, таким образом раскрывая способ, который использует политический деятель, применяя различные ресурсы выражения и интегрируя различные методы: от риторики к разговорному анализу (диалог, стратегии), от социолингвистики (лингвистические различия и общности) к психолингвистике (использование лингвистического кода). Понять язык выступления –значит понять мир, нужно каким-то образом преодолеть лингвистические рамки, когда уже примешивается совокупность исторических, социальных и и культурных картин. Соединяя дугой времени эти два выступления посредством масс-медиа, можем проследить развитие в парне сообщения, а также и озабоченность данного политического деятеля, как можно лучше передать сообщение, хорошо

выстроенное, обязательно создающее реальный отклик и, особенно, отвечающее на некоторые проблемы в месте с предложением его разрешения. И так можно сказать, что сообщения объединяются и становятся ограниченной частью современного управления.

Выступление президента включает суму практик по сообщениям, с помощью которых президентские учреждения с или без президента распространяет информации, которые имеют общественное или национальное значение. Этот тип сообщения является одной из самых ритуальных форм политического выступления. „Договор” о выступлении президента исходит из условия, что это выступление будет публичным и по определенному специальному случаю, как вышеупомянутый, в то время как типичным сообщением остается краткая речь. Касаясь этого аспекта, упомянем в скобках, что французский президент культивирует все больше персонафицированное выступление, постепенно заменяя краткую речь или пресс-конференцию выступлениями менее ритуализированными, которые акцентируют больше психологию образа президента.

Тип сообщения, используемый русским руководителем, включает в себе самые высокие ценности человечества и делает политика похожим на рантье, который укрепляет позицию своего собственного статуса превосходства высшими ценностями, к которым он призывает в поддержку, по возможности, самых убедительных интересов. Превосходство такого выступления, в недавние времена, было поддержано обоснованием экспрессивных возможностей общества, которое все больше находится под влиянием средств массовой информации.

Если принять во внимание тот факт, что речь русского общества, значительно длительный период, считалась „деревянным языком”, тогда надо отметить прогресс в выступлении-от тяжелого к ясновыражающему, краткому языку, который подключает адресата к информации вплоть до диалога с ним.

Анализ этих двух вышеупомянутых выступлений выявляет постоянные и переменные, свойства, необходимые для представления картины, присущей обсуждаемому периоду. Начальная формула сохранена в обоих выступлениях, будучи в полном соответствии с категорией публички, и в соответствии с ситуацией, в которой она адресована:

„Добрый день, дамы и господа!

Я хотел бы Вам кратко представить результат нашей встречи. Думаю, что наши приглашенные, Господин Asnar, Господин Prodi и Господин Solana, как и другие русские участники, имеют все данные считать удовлетворительными результаты нашей встречи”. (29 мая 2002 года, Кремль, Москва).

„Добрый день, дамы и господа!

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить румынских коллег за теплый прием и за организацию Саммита Россия-НАТО. "(4 апреля 2008 года, Бухарест, Румыния).

То, что характерно и является постоянным в обоих выступлениях посредством масс-медиа, это неоднократное использование личного местоимения, 1-го лица, множественного числа-мы, акцентируя тем самым, что с его помощью, практически, говорится о всей России: „Мы, то есть России, хотели бы очень, чтобы это случилось”. Это выражение выдвигает Владимира Путина, выступающим от имени всей нации. Если текст выступления 2002 года сохраняет официальный тон, согласно данной ситуации, выраженный в неоднократном повторении глагола в условном наклонении („Я хотел бы”); в воздержании от прямых выражений („Дискуссия имела почти острый характер”); в использовании хорошо разработанного синтаксиса, то основной тон выступления 2008 году меняется: появляется много выражений живого языка с частым использованием риторических вопросов, повелительного наклонения и моцный личный опечаток, который полностью захватывает аудиторию интересом и восхищением:

„Есть ли у членов прессы ясная идея о том, что значит это на практике?”, „Что я могу сказать?”, „Разрешить какую проблему?”, „Что можно сделать без России?”, „Что случилось?”, „Можно ли быть сделано это (дело) без России?”.

То, что, еще отлгчает это выступление как определяющий элемент эволюции во времени, - это кажущееся отсутствие озабоченности в подборе выражений. Выступление использует обычные слова и выражения, как: „ловить в мутной воде”, „раскрыть свои карты”, короткие предложения и облегченный синтаксис, который, хотя и не соответствует официальному протоколу, делает выступление бывшего русского руководителя живой страницей истории, выраженной простыми словами. Сила слов, знакомая и контролируемая, может породить обращение к специальной лексике, к правилам и стратегиям именно сообщения. Таким образом, речь, в этом смысле, становится больше, чем набор слов в анализируемом контексте, она становится эмблемой власти. Простое, банальное сочетание „Сила слов” оказывается истиной.

Слова могут выражать и „делать” - хорошо, но и плохо, то есть, в пользу или, хотя бы, не против слушателей. Прямо говоря изменения сообщения, конкретизируемые при помощи политических выступлений бывшего президента, а также сообщения, посредством изменения известного значения некоторых слов, как например использование определения „острый” в синтагме „острый характер”, имеют целью выразить отношения определенного типа к аудитории, а момент, и направления этой аудитории к определенной, желаемой цели, чтобы замаскировать, а, может, даже утаить реальность. Используя покоряющий

смысл определенных слов, как в случае повторения абстрактного существительного „искренность”, или незнание такого можно увести или даже отклонить мышление аудитории от главной идеи сообщения, а, в некоторых случаях, и принудить ее к направлению, которого она не осознаёт.

Запас средств, используемых в рамках выступления 2008 года, предполагает размеры спектакля, нужного для усиления доступности политического сообщения, но и определяет разрыв равновесия между разумной и аффективной адресностью в пользу последней и в ущерб объёму информации.

Финал выдвигает на первый план преемника бывшего российского руководителя, который представлен как: „человек способный и с блестящей университетской карьерой. Вы убедитесь, что он- интересный человек”. Определения, используемые для описания портрета будущего руководителя, касаются только тех сторон, на которые нужно обратить внимание: ум, карьера-достаточные качества, чтобы вызвать интерес аудитории, а потом резко, снова поставить Россию в центре сообщения: „В продолжение, я хотел бы сказать о том, что было внесено в тему дискуссии. В течение этих 8 лет, трудных для России и ее партнёров, я присутствовал при возрождении России как независимого государства”.

Успех политического послания не может быть рассмотрен как что-то самособой разумеющееся, но и нельзя утверждать, что для этого успеха, посылающий этот месаж, приложил особые усилия. Качество послания, степень мастерства и тонкость его составления, не будут ничего значить, если публика не будет восприимчива, что не относится к бывшему российскому руководителю, поскольку его выступление построено таким образом, что отвечает горизонту ожидаемого аудитории.

Simon Peres, бывший израильский премьер-министр и в настоящем президент государства, утверждал в 1995 году: „В демократии, которая управляет словами, слова могут быть кинжалом, но могут и вылечить. Все зависит от способа их использования”.

Слова могут создавать или вредить контактам между людьми, могут разрушить и уничтожить веру в язык. Обе грани должны быть изучены так, чтобы аудитория былабы относительно создательна в отношении результатов. И здесь оправдывается анализ изучаемого предмета.